

Разработка устойчивой гипотезы для понимания клинического процесса: роль концептуализации в процессе установления истинности (валидации)

Дэвид Такетт

Developing a Grounded Hypothesis to Understand a Clinical Process: The Role of Conceptualisation in Validation

David Tuckett

РЕЗЮМЕ

В этой статье рассматриваются доводы в защиту того, что валидизация в клиническом процессе в значительной степени зависит от максимально возможной четкости и точности в отношении выдвигаемой гипотезы. Интерпретации, сделанные на сессиях, основываются на интуитивных и совершенно спонтанных связях, возникающих из установок, определяемых подготовкой, и того, что мы будем называть кластерами наблюдаемых клинических фактов. За рамками сессии может быть разработан более широкий и более стройный ряд устойчивых гипотез, предназначенных для разъяснения того, что, как представляется, является центральными вопросами, которые встают с течением времени, и основными проблемами, которые испытывает пациент. Часто подобные гипотезы будут существовать только в форме рабочих установок. Если они могут быть концептуализированы более точно в виде особых гипотез, объясняющих совокупности наблюдаемых событий и предсказывающих последствия, они могут быть более ценными – или для аналитика, который работает в одиночку, или в групповой дискуссии благодаря достижению подлинного консенсуса. Процесс построения «устойчивой» гипотезы посредством сопоставлений, производимых при попытках разрешить клиническую проблему, описывается с использованием подробного клинического материала. Это также имеет своей целью проиллюстрировать аргумент, что может быть полезным рассматривать основные события, доложенные из сессий, как данные, отличные от теории, выдвинутой для их объяснения.

Мы не претендуем на то, что отдельное истолкование представляет собой нечто большее, чем предположение, которое ожидает проверки, подтверждения или отклонения. Мы не требуем подчинения ему, мы не нуждаемся в прямом согласии со стороны пациента, и также мы не спорим с ним, если он сперва отвергает его (Фрейд, 1937, стр. 265).

Эта статья рассматривает предположения и толкования, которые аналитики вынуждены делать в своей ежедневной клинической работе, а также то, как нам размышлять о степени их «попадания». Я привожу доводы касающиеся того, что валидизация в клиническом процессе коренным образом зависит от осуществления двух видов концептуальной деятельности: прояснения того, что утверждается как «достоверное», а также разграничения, ясного и на соответствующем уровне, между представлением о «действительном» (факты клинической ситуации) и теоретическими рамками, предназначенными для его осмысления (гипотеза относительно того, что происходит в клинической ситуации).

Я полагаю, одной проблемой в определении того, что валидируется в клиническом процессе, стала тенденция, первоначально ясно описанная Сандлером (1983): разрыв между относительно абстрактными метафорами, характеризующими большинство психоаналитических концепций, и обычно имплицитными рабочими моделями, которые являются формообразующими для интерпретаций на практике. Другой проблемой является склонность считать, что не существует разницы между теорией и данными.

В данной статье я хочу высказать необходимость осмысления различных аспектов психоаналитического процесса при помощи того, что называется *Устойчивой теорией (Grounded Theory)* - формы развития гипотезы, которая берет начало с попытки разобраться и понять смысл ситуаций посредством сравнения их друг с другом и которая, как убеждают ее приверженцы, дает возможность развиваться теории, тесно соотносящейся с ситуациями, которые она пытается понять, и полезной с практической точки зрения, поскольку основывается она на опыте, (Glaser & Strauss, 1968).

Эта статья была представлена на Конференции, посвященной празднованию 75-й годовщины Международного журнала психоанализа, Лондон, 14-16 октября 1994. Благодарности: я очень признателен Dana Birksted Breen, Betty Joseph, Martin Miller, Riccardo Steiner, Nick Temple, и особенно Paola Mariotti и Elizabeth Spillius за то, что взяли на себя труд читать и давать рекомендации по ранним наброскам или частям данной статьи. Конечно, я не предполагаю их обязательного согласия с выдвинутой идеей. (MS. received September 1994) Copyright © Institute of Psycho-Analysis, London, 1994

Я начну с того, что проведу концептуальное различие между тем, что я хочу назвать установками, определяемыми подготовкой (background orientations), клиническими фактами, кластерами клинических фактов, рабочими установками (working orientations) и устойчивыми гипотезами. Я буду использовать эти понятия, чтобы представить и обсудить клинический материал с целью показать, как я формулировал «устойчивую гипотезу» для объяснения некоторых сложностей, которые были у меня в отношении понимания конкретной пациентки, госпожи А. Я также буду говорить о «микро-валидации» (в рамках сессии) и «макро-валидации» (за рамками сессии). Только в конце статьи я формально буду рассматривать вопросы валидности моей двойной гипотезы, а также то, как она могла бы быть валидизирована в большей степени извне. Клинический материал предназначен для иллюстрации и объяснения методологического подхода к вопросу валидации, но не для валидации гипотезы самой по себе.

НЕКОТОРЫЕ ПОНЯТИЯ

Сейчас я хочу провести различие между тем, как психоаналитики обычно ведут себя на сессиях, и тем, как можно было бы размышлять о том, что происходит, после сессий. Никто не спорит с тем, что, по меньшей мере в принципе, в пределах неизбежно им присущих установок, определяемых подготовкой, аналитики стараются на сессиях работать настолько непредвзято, насколько возможно, пытаясь быть внимательными ко всему, что происходит, используя равномерно распределенное внимание.¹ Постепенно аналитики надеются ощутить, то что, по их мнению, является заботой бессознательного пациента в настоящий момент. В ходе сессии воспоминания о прошлом материале пациента или разнообразные идеи, включая предположительно не относящиеся к делу, проникнут в аналитика более или менее сознательно и окажутся связанными с тем, что он слышит и переживает. Так я стараюсь работать, и при таком подходе то, что я считаю *кластерами* психоаналитических *клинических фактов*, возникает на каждой сессии. Именно из этих, более или менее сознательно принятых во внимание, развертывающихся кластеров, я полагаю, обычно производятся вмешательства – хотя я признаю, что иногда я понимаю, что я говорю, или вижу связи, или возможно прихожу к заключению, что я совершенно утратил нить, только в тот момент, когда я фактически говорю или, может быть, позже, когда я замечаю, как реагирует мой пациент. Это может казаться неаккуратным или даже лишенным дисциплины, но аналитическая работа, фактически базирующаяся на требовании быть способным чувствовать бессознательную психическую жизнь другого человека, основывается на анализе и понимании субъективных чувств, бессознательного разыгрывания и бессознательного осуществления. Более того, чтобы затронуть пациента, возможно, потребуется, чтобы интерпретации были спонтанными и эмпатическими – основанными на эмоциональной вовлеченности аналитика и способности удивляться.

Если говорить о том, что аналитики размышляют о сессиях за рамками своего участия в них, я все же считаю этот процесс значимо отличным. После сессии аналитик, по меньшей мере, *отчасти* находится вне матрицы переноса-контрпереноса и в меньшей степени является участником. Чтобы размышлять о валидности того, что он делает, аналитик может прилагать более систематические усилия, и понимать, что становится ясным и что не выясняется, а также может иметь возможность оценить относящуюся к этому доказательную базу. Временные рамки расширены, и характерные особенности и паттерны, не замеченные на острие момента, могут быть распознаны, а их обобщаемость и взаимосвязанность приняты во внимание.² Следовательно, именно за рамками сессии я нахожу полезными два другие понятия, которые я уже упомянул: *рабочие установки* и *устойчивые гипотезы*.

Я присоединяюсь к тому мнению, что не существует такой вещи как данные (не важно какие) без точки зрения, с которой на них смотрят. С другой стороны, я действительно полагаю, что полезно отдавать себе отчет в том, что некоторые наблюдения в большей степени предполагают умозаключение, чем другие. Как я вижу, в пределах фокуса, который обеспечивают любому наблюдению или слушанию *установки, определяемые подготовкой* аналитика, и если проводится психоанализ, события, отмеченные аналитиком на сессии, при условии, что они осознаны в рамках свободно плавающего внимания и свободных ассоциаций, представляют собой то, что следует считать психоаналитическими данными. В этом смысле я утверждаю, что, если мы имеем достаточно подробный клинический отчет, написанный, чтобы отобразить то, что в действительности произошло на сессии, стоит считать, что этот отчет предоставляет *клинические факты*. Этот отчет будет включать информацию о том, что аналитик заметил, а также, благодаря намекам, которые вероятнее всего заметят другие аналитики, может даже дать существенную информацию о том, что было отмечено бессознательно, но не понято в тот же момент, или даже о том, что было совершенно упущено (**Tuckett, 1993**).³

1 Я использую понятия равномерно распределенного внимания и свободно плавающего внимания как взаимозаменяющие. Для меня они обозначают «не «очистку разума» от мыслей и воспоминаний, а способность позволить всевозможным мыслям, снам наяву и ассоциациям проникать в сознание аналитика, в то время как он слушает пациента и наблюдает за ним», как говорит Сандлер (1976, стр. 44).

2 Я не утверждаю, что то, что обдумывается после сессии, является более валидным или может быть оптом привнесено на следующую сессию. По уже приведенным причинам интерпретации на сессиях, возникающие из интересубъективного поля между пациентом и аналитиком, должны обрести свои источники в опыте этого поля. После мы размышляем, но на

следующей сессии мы должны проявить недоверие, если подобные размышления, на наш взгляд, не проистекают из нашего опыта.

3 Некоторые из этих доводов изложены в Tuckett (1993). Дополнительная проблема, поставленная в личном общении с Merton Gill, касается вопроса о других способах фиксации данных и того, что селективно не воспринимается, например, путем использования записывающих устройств. Я считаю, что хотя может быть действительно интересно использовать записи для исследования сопоставлений между тем, что замечается, а что нет, и что аналитик должен сказать об этом, сущность психоанализа состоит в том, что аналитик как воспринимающий человек, старающийся разобраться в коммуникативном поле, бессознательно, так же как и сознательно собирает данные в рамках ассоциируемых идей. Следовательно, в качестве базовых данных важен субъективный отчет, а не расшифровка записей.

Я сделал несколько концептуальных разграничений, чтобы предложить плавное смещение фокуса с первого, самого сырого из возможных уровня базовых данных (*клинические факты*), ко второму, более концептуализированному уровню совокупностей связанных фактов (*кластеры*), к третьему уровню более сфокусированных выборов (*рабочие установки*) и к четвертому, еще более сфокусированному и организованному уровню *устойчивых гипотез*, характеризующихся соединением наблюдений в более генерализованную казуальную модель. Хотя эти термины и уровни являются произвольными, они описывают то, что, как я считаю, представляет собой неотъемлемую иерархию концептуализации, различающей градиентное движение вверх от клинических фактов – отдельных приближенных к опыту наблюдений, возникающих из довольно обширного фокуса – к устойчивым гипотезам – по-прежнему приближенным к опыту способам осмысления и изображения более доступных обобщению умозаключений относительно фактов.⁴

Ниже я намереваюсь описать постепенное развитие и исследование двух связанных гипотез, назначение которых - пролить свет и помочь мне понять, как скорректировать проблему, которая, казалось, была у моей пациентки, госпожа А, и у меня в плане встреч: то есть в плане совместной работы в качестве аналитика и пациентки. Я выработал и прояснил свои гипотезы постепенно в ходе работы с ней, а затем при написании данной статьи. Благодаря этим гипотезам я чувствую, что я достиг гораздо большего понимания того, как госпожа А относится ко мне, к себе самой и к окружающим. На данном этапе мне кажется, что эти гипотезы «попали в точку», исходя из того, что я теперь знаю. Они доказали свою полезность с тех пор, как я выработал их, и я не могу в настоящий момент представить лучший способ понять те сложности, на которых я предпочел сосредоточиться. Время идет. Могут обнаружиться другие сложности или могут всплыть новые факты и натолкнуть на мысль, что выдвигаемые мной гипотезы могут быть включены в другое объяснение. Все гипотезы и теории должны исторически рассматриваться как культурально и темпорально специфические, хотя любая новая и предпочитаемая теория должна включать в себя объяснение особенности предшествующего понимания данных.

Между тем, моя теперешняя уверенность в этих гипотезах строится на двух отдельных уровнях активности, которые я хочу представить: *микро-валидации* - моя работа на каждой отдельной сессии - и *макро-валидация* - стремление анализировать и размышлять за рамками сессий о паттерне их протекания. Эти две формы активности могут и, возможно, должны взаимно усиливать друг друга и, без сомнения, составляют неотъемлемую часть многих анализов. Они, несомненно, во многом являются частью устной традиции в психоанализе и психоаналитическом образовании.

Микро-валидационная активность, когда мы анализируем, что мы и пациент избрали для понимания, а что выбрали не понимать, а также как и почему, продолжается все время в самых обычных анализах, в частности, когда мы стараемся прислушиваться к реакциям пациента на интерпретации, которые мы делаем.

⁴ Я конечно знаю о существующих здесь спорах. Однако я в самом деле считаю, что бесполезно рассматривать отчет о клинических фактах как нечто идентичное гипотезе о них – теория содержится в наблюдении, но на более низком уровне. Если мы не предаем этому значения, это приводит к симметризации (Matte-Blanco, 1988). В этой связи интересно, что говорит «Малый оксфордский словарь» относительно «факта». Предлагается шесть определений, и наиболее релевантное: «3. Нечто действительно произошедшее или представляет собой действительные обстоятельства; следовательно, элемент данных опыта, что отлично от умозаключений» (1673). Я придерживаюсь мнения, что психическая реальность является подлинной и элемент данных опыта может быть осознан.

Здесь я опишу несколько способов, при помощи которых я пытался оценивать реакции госпожи А на то, что я говорил, а также как я вследствие этого стремился вносить поправки в свои идеи. Другие коллеги в этой серии статей тщательно и точно описали свои хорошо продуманные попытки оценить значение реакций своих пациентов, свет, который они проливают на частную теорию, давал о себе знать в каждой интерпретации, и то, как они корректировали свое понимание, соответственно (например, Etchegoyen, 1994); (Michels, 1994); (Steiner и Britton, 1994). То, что мы стремимся вносить поправки в наше понимание и интерпретацию в

соответствии и постоянным субъективным мониторингом «истинности» того, что, как мы думаем, происходит, является неотъемлемой частью общепринятой аналитической техники.

Макро-валидизационная активность относится к тем видам активности, которые осуществляются за рамками сессии с целью проанализировать, что произошло на ней. Чтобы продумать этот вопрос и написать эту статью, я решил делать заметки о нескольких пациентах и размышлять по завершении сессии о том, что происходило, более систематически, чем я обычно это делаю. *Макро*-валидизация смещает перспективу и, обеспечивая точку зрения альтернативную той, что была на сессии, влечет за собой маленький, но важный шаг в направлении установления истинности: принцип, лежащий в основе любой научной работы, - это сравнение ситуаций с различных точек зрения и размышление над различиями, выявленными в результате. Я имел возможность оглядываться на то, что происходило в течение различных периодов времени, а также вновь обдумывать детали сессий.⁵

Вторым аспектом *макро*-валидизации, которую я пытался осуществить, продумывая сессии по их завершении, была возможность, которую это давало, разобраться в ходе своих мыслей, и сравнить различные ситуации, происходившие на сессии. Я предположил, что интерпретации на сессиях формулируются, более или менее явно исходя из того, что я назвал *кластерами* избранных клинических фактов. Я также подчеркнул, что иногда нам даже необходимо услышать собственную реплику или услышать, как пациент реагирует, прежде чем мы поймем, что мы сказали или подумали. Императив стремления настроить каким-то образом свободно плавающее внимание и ощущения потребности сохранять эмоциональную непосредственность в нашей работе вреден, если мы разбираемся и исследуем логические связи, которые задействованы в разработке того, что я обозначил как *рабочие установки*, не говоря уже о полностью разработанных гипотезах. Однако, прояснение рабочей установки или гипотезы – так же как изложение идеи или написание статьи – имеет тенденцию высвечивать проблемы и противоречия, а также обладает потенциалом быть и чрезвычайно проясняющим, и повышающим точность. Этот процесс является аналогичным той работе, которую необходимо проделать для разработки любых исследовательских мероприятий.⁶

ГОСПОЖА А: ИСТОРИЯ

Описывая анализ госпожи А, я буду давать сырые данные в форме клинических фактов вместе с обозначением связанных кластеров фактов, которые формировались у меня в голове и которые обуславливали то, что я говорил. Когда я предлагаю вниманию размышления о том, что, как я полагаю, я узнавал в какой-то конкретный момент анализа госпожи А, я буду ссылаться на развивающиеся рабочие установки и, в конечном счете, на мои устойчивые гипотезы. Я опишу четыре сессии довольно подробно, начиная с некоторых биографических данных. Что мы выигрываем, а что нет, публикуя клинический материал таким образом, - это поднимает сложные вопросы, которые обсуждаются в других статьях данной серии. Наша цель состоит в том, чтобы только предоставить читателю возможность понять часть процесса, посредством которого гипотеза может быть разработана и исследована.⁷

Госпожа А родилась в ближневосточной стране. Ее семья находилась там в связи с зарубежным назначением, и она воспитывалась и обучалась в западных учреждениях.

5 Я рассматриваю ограничения, продиктованные работой в одиночку в конце статьи.

6 Чтобы двое или более наблюдателей пришли к согласию относительно наличия чего-то, им необходимо дать этому определение и выяснить, через процесс обсуждения и спора, после того как они по отдельности вынесут свои оценки, каковы критерии. См. например, Brown & Rutter, 1966; Tuckett et al., 1985.

7 Проблемы, касающиеся «публикации» клинического материала обсуждаются в других статьях данной серии. Все сказанное на сессии наполнено контекстуальным значением. Я бы хотел провести различие между проблемой написанного отчета, где нет возможности для взаимообмена между автором и читателем, чтобы внести ясность в общее понимание, относительно свободное от идей, которые может иметь читатель, того, как работала голова аналитика, и проблемой устной презентации или тем более работающей клинической дискуссионной группы, где такая возможность есть. Понимание клинического отчета требует обращения к широкому ряду контекстуальных значений, которое возможно только в рамках диалога.

У нее есть брат, на три года младше, вскоре после рождения которого, родители расстались, а затем развелись, после чего разъехались по разным странам. У нее есть способности в различных областях, и она очень умна. Она приехала в эту страну по стипендии как аспирантка для написания работы. Она вышла замуж и покинула страну снова, но очень быстро ушла от своего мужа прежде, чем вступить в пятнадцатилетний период, в течение которого она не могла ни наладить карьеру, ни вырваться из повторяющегося паттерна взаимоотношений, который включал в себя прерывание нескольких беременностей. Ее отец женился повторно, тогда как мать продолжила успешную карьеру за рубежом. Оба родителя постоянно присутствуют в сессиях.

Госпожа А была направлена ко мне, когда ей было под сорок, и до того периода, который я буду описывать, я работал с ней несколько лет. На момент направления она была в панике по поводу того, как нужно ей родить ребенка. Она по-прежнему не могла вырваться из различных неудовлетворяющих повторяющихся взаимоотношений, жаловалась на то, что страдает от проблем со сном с самого детства, что у нее сложности с концентрацией, что не может решить, какой карьере следовать, и очень досадовала по поводу ситуации, в которой она находилась. К моменту, когда состоялась сессия, которую я доложу, она определилась в плане стабильных и намного более удовлетворяющих взаимоотношений, родила близнецов, оставила несколько довольно нереалистичных карьерных устремлений и начала делать успехи и продвигаться в новой музыкальной карьере. Она также наладила отношения с отцом. Тем не менее, эти изменения в ее жизненной ситуации, пусть довольно резкие и существенные, не сопровождались, на самом деле, улучшением ее способности понимать себя и окружающих.

Госпожа А прилежно посещала сессии, но вплоть до недавнего времени могла впасть в панику и достичь развития кризиса, особенно до и после перерывов. Проявились некие феномены, которые, казалось, требовали лучшего понимания. Среди них, во-первых, было наблюдение, что в начале она не соглашалась практически ни с одним установлением связи, которое я производил, только чтобы признать на следующий день, что она вполне согласна – однако я уже не узнавал то, что я сказал. Потом она теряла концентрацию или оказывалась намного более заинтересованной в том, о чем я побуждал ее подумать, чем в выслушивании того, что я говорю; или она обнаруживала, что уже не знает, что я сказал. Во-вторых, ее нарратив снова и снова оказывался переполнен изгнанием и исключением, изоляцией и изолированием. Она постоянно рассказывала, чувствует она себя «на высоте» или «опущенной» в отношениях с матерью, с отцом, с друзьями, сотрудниками, знакомыми и со своим аналитиком. В-третьих, ее мышление было преимущественно одномерным – одно мнение за раз, часто прямо противоположное предыдущему мнению. В-четвертых, она рассматривала собственную историю в основном в рамках плохого и несправедливого отношения к себе. В конце концов, когда она в самом деле чувствовала интерес к тому, что я говорил, она начинала подозревать, что моей целью было унижить ее. Подобные обстоятельства сделали затруднительной нашу «встречу» как аналитика и пациента. Причем я отдавал себе отчет в существовании этой проблемы с самого начала и пытался по-разному осмыслить это затруднение. Например, было довольно очевидно, что госпожа А завидовала моей позиции в наших взаимоотношениях и что это вносило свой вклад в ее проблему. Я также представлял себе ситуацию с точки зрения попытки сохранить состояние слияния и избежать последствий сепарации, обусловленных любым признанием отличия. Сама госпожа А, казалось, главным образом считала, что ее проблема состояла в том, что она была травмирована или продолжала подвергаться травматизации, и, возможно, ей должны были принести извинения – хотя она и не думала, что это сильно поможет.

Я буду рассматривать период в анализе госпожи А длительностью примерно восемь недель, который начался, когда я выбрал сессию для обсуждения в рамках обычной клинической встречи с несколькими коллегами. Это обсуждение в итоге натолкнуло меня на мысль, что мой основной фокус на проблеме, которую, казалось, испытывала госпожа А с тем, чтобы соприкоснуться со своими собственными мыслями и оставаться с ними в своем внутреннем мире, смещал акцент с параллельной проблемы, которая, судя по всему, существовала у нее и у меня и касалась нашей встречи как аналитика и пациента: установления полезного и устойчивого контакта наряду с исследованием затруднений госпожи А и попытками помочь ей лучше их понять. Например, на сессию, которую я обсуждал с коллегами, госпожа А принесла два несомненно интересных сновидения, но мы не смогли использовать их для продвижения в нашем понимании. На ту же сессию она принесла тревогу, сильную психическую боль и страдание, но они также каким-то образом остались на заднем плане. Я замечал, что госпожа А, казалось, испытывала затруднение, поддерживая сколько-нибудь сосредоточенное исследование своего собственного мышления, но теперь я решил, что мои интерпретации изменяли свой фокус как-то неравномерно, а также, что иногда то, что я говорил, было более резким, чем я представлял себе, или спокойно себя чувствовал с сознанием этого, в частности, когда госпожа А, казалось, обрывала контакт с тем, о чем шел разговор. Эти наблюдения относительно проблемы с встречей, которую, судя по всему, мы испытывали, стала точкой отсчета или, в предложенных мною терминах, *рабочей установкой*, и я опишу, как затем развивалась ситуация.

СЕССИЯ 1 (СРЕДА)

Первая сессия, которую я в общих чертах изложу, имела место три недели спустя после той, что я обсуждал со своими коллегами, примерно через неделю после моей встречи с ними. Несколько дней накануне госпожа А серьезно страдала от усугубления ее проблемы со сном – она просыпалась среди ночи и не могла заснуть по нескольку часов. Она была также очень расстроена и озадачена поведением своего секретаря, который решил без предупреждения уйти с работы. На сессии она была провоцирующей; я чувствовал, что меня дразнят и изводят с того момента, как она начала. В скором времени она рассказывала мне о том, что в ее анализе никогда не случалось ничего полезного.

Среда прочих вещей, о которых она говорила, было то, что поскольку она должна думать о том, что она делает, вместо того, чтобы действовать, это оставляет ее незащищенной перед злоупотреблением. Ей стоит

подумать о медикаментозном лечении, и что в отличие от этого «анализ – это словно разговаривать со сломанной ногой, ожидая, что она выздоровеет». Ей также случалось «забывать» приносить мне чек, и на этой сессии, поступив так, она рассказала мне длинную и сложную историю, включающую нескольких других людей, каждый из которых, по-видимому, имел в виду, что, если бы даже она и дала мне сейчас чек, в банке нет денег, и я не могу их обналечить. В конце концов, она также пожаловалась на «тупиковые» зоны между нами – что включало в себя и недовольство тем, что она не могла говорить о том, что пошло не так с секретарем, который ушел. Когда я предложил ей специально подумать о том, почему она чувствует, что не может говорить об этом, она отклонила мое предложение, очевидно увидев в нем ловушку, чтобы заставить ее изменить свое мнение или сделать вывод о том, что она не права. Позже, когда что-то из того, что я сказал, по-видимому, по меньшей мере, на время, действительно было понято ей как стремление всерьез отнестись к ее жалобам, она, как показалось, отдалилась и стала жаловаться и провоцировать все больше и больше. Она углубилась в долгие рассуждения относительно вероятности того, что ей не нужно так много анализа, и возможности пропуска сессии, при условии, что она могла бы получить ее в любой момент, когда пожелает.

На этой сессии с госпожой А я думал, что она была возбужденной, несчастной и провоцирующей до такой степени, что, исходя из прошлого опыта, я чувствовал: ей намного интереснее внимательно наблюдать за мной, чтобы посмотреть, буду ли я каким-то образом мстить, и ее совсем не интересует содержание какой бы то ни было интерпретации. У меня не было сомнений, что она была в каком-то смысле в отчаянии, но у меня сложилось впечатление, что потенциально она также осознавала те способы, которыми она деформировала и искажала свое сообщение, что делал и я, и целиком и полностью надеялась, что я усомнюсь или опровергну то, что она говорит. Основываясь на этом впечатлении, большую часть этой трудной сессии я придерживался мнения, что единственное, что можно сделать, – это избегать смягчающих или провокационных комментариев. Те несколько замечаний, которые я сделал, стимулировались идеей, что госпожа А, казалось, разместила источник своих проблем во мне, но испытывала затруднение, касающееся мысли, что мнением, что я странный, непримиримый, обвиняющий или злоупотребляющий действительно можно разделять и обсуждать его, а не избегать, мстить за него или оспаривать. Однако, в конце концов в самом деле наступил момент, когда я подумал, что можно высказать мнение о том, что, пожалуй, госпожа А больше заинтересована в провоцирующем действии, чем в понимании. Я вслух поинтересовался, не думает ли она, что, возможно, ей было интересно увидеть, сможет ли она вызвать у меня реакцию, чтобы посмотреть, волнует ли это меня, а также посмотреть, как например, в ситуации с чеком, как я отношусь к тому, что меня дразнят, и что я буду делать. Она резко успокоилась. Она сказала, что только что кое-что вспомнила. Когда она приехала и проходила мимо офисов Института, она подумала, что через окно видела меня в комнате наверху, размахивающим руками. Она предположила, что я кричал на женщину в ссоре и что я выбит из колеи. «Возможно, вы выбиты из колеи уже несколько дней как, – сказала она – и теперь вы чувствуете себе очень виноватым из-за того, как вы со мной обращаетесь?» Это было довольно близко к окончанию сессии, и я ограничился комментарием, что я думаю, что с подобными тревогами, я могу понять, она чувствовала большие сомнения относительно возможности получить полезный анализ.

Я записывал сессию, которую я только что описал, ощущая сильное сомнение. Хотя я не мог себе представить, что на самом деле видела госпожа А, ее воспоминание и воображаемая причина сделали понятной глубину ее беспокойства. То, что она сказала, всплыло в конце сессии, но сразу после того, как она сказала это, я почувствовал, что идея, что я был «выбит из колеи» является чем-то, за что стоит зацепиться и что стоит исследовать. Интерпретации приходили в голову – например, страх, что она могла «выбить меня из колеи» – но я подумал, что я хочу узнать гораздо больше, прежде чем скажу ей что-нибудь подобное. Однако у меня было также и мучительное подозрение, что я оказался слишком парализованным – до такой степени, что мне пришлось бороться с решением, что, может быть, это была сессия, которую мне лучше забыть.

ДВЕ РАЗВИВАЮЩИЕСЯ РАБОЧИЕ УСТАНОВКИ И ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ГИПОТЕЗА

В течение нескольких следующих сессий возникли несколько кластеров клинических фактов, обеспечив меня двумя определенными рабочими установками и зарождающейся гипотезой относительно проблемы, существующей между госпожой А и мной.

Один кластер, повторявшийся в разных формах на следующих трех сессиях, относился к идее госпожи А о том, что я был «выбит из колеи» или психовал. Она выдвинула эту идею довольно недвусмысленно и решительно, и исследовала ее вслух. Она также сказала, что каким-то образом теперь она получила разрешение чувствовать, что она не может полагаться на меня, и что я плохой и, возможно, склонен эксплуатировать. Она сказала, что давно осознает, что анализ делает ее уязвимой перед ненормальными людьми, потому что она чувствует, что вместо того, чтобы быть способной подумать, что они ненормальные, она должна взвешивать, не является ли она ненормальной.

Второй кластер, также повторявшийся в нескольких формах, включал в себя то, что госпожа А становилась очень подозрительной относительно того, почему я не приводил ответные доводы и не заявлял о своей вменяемости – что она называла «быть очень милым» по отношению к ней. После довольно очевидной и

безуспешной попытки спровоцировать меня на спор, она удивилась, почему я не поддался. Следующая ассоциация показывала один из присущих ей способов объяснить для себя происходящее. Она сказала, что подозревает, что я пытаюсь во что-то ее *втянуть*, но потом оказалась готовой расплакаться. После этого она, запинаясь, к тому же описала фантазию, что я в тот момент пытался заманить ее в лабиринт, освещенный очень яркими лампами дневного света, где было невозможно закрыть глаза. Она еще немного развила эту тему, прежде чем добавить, что когда у нее бессонница, у нее бывают определенные видения. Она чувствует как если бы ее глаза, хотя и закрытые, широко открыты, и обжигающие огни проникают в них снизу.

Второе объяснение моему «милому» поведению стало очевидно сессию спустя, и оно вело к третьему кластеру. У меня была причина что-то сказать госпоже А о том, насколько нерешительной она выглядела в тот момент в отношении того, будут ли наши отношения основываться на попытке извлечь пользу из сильных или слабых сторон друг друга. После этого она погрузилась в размышления о том, что происходило в течение нескольких сессий, и начала выражать опасения, что, возможно, она одержала надо мной победу, то есть в самом деле убедила меня, что именно я являюсь ненормальным. Это, сказала она, выражая большую обеспокоенность, заставляет ее чувствовать себя очень одинокой. Это заявление показалось важным, но его *следствия* обнаруживали еще один кластер, образованный вокруг страха госпожи А напрямую обращаться к нашим взаимоотношениям. Немного позже я попробовал именно это, сказав, что я не уверен, выражала ли она беспокойство относительно попытки одержать надо мной победу или относительно того, что она действительно это сделала. Ее реакции кластеризовались таким образом, что указали мне на то, что она довольно далека от такого направления исследования. Сперва она отреагировала молчанием. Потом она сказала, что думает, что смутно поняла суть сказанного мной. Затем, как ни странно, она рассказала, что, когда я говорил, она на самом деле не слушала, потому что у нее в голове были разные собственные мысли. Однако, в утешительной манере, она сказала, что, безусловно, чувствует, что ухватила «смысл» того, что я сказал, и это показалось ей важным; тем не менее, когда она продолжила, то дала понять, что в действительности она не имеет ни малейшего представления, о чем мы только что говорили.

Описывая эти сессии, с использованием того, что я назвал макро-валидизацией, и фокусируясь на том, как по-разному госпожа А, казалось, переживала наши встречи, и как она объясняла себе их, я начал улавливать развитие.

Сессия 1, думал я теперь, началась с того, что госпожа А была под воздействием внешне и внутренне индуцированных переживаний изгнания и исключения из отношений; ее секретарь бросил ее в обстоятельства, которые потенциально являлись частью паттерна, и у нее была некое представление, что она не отдает должное своей способности думать и оставаться со своими мыслями об этом и о других вопросах, а также связала с этим свою бессонницу. Опять-таки идея госпожи А о том, что она «видела» меня скандальным и размахивающим руками, может быть объяснена, она испытывала очень глубокое ощущение несчастья и безнадежности по поводу способности встретиться со мной так, чтобы это было полезно. Полная тревоги, определенной вины и страдания, в частности по поводу того, что происходило между нами, я думаю, она бессознательно старалась изгнать эти чувства, пытаясь получить критическую и лишнюю сочувствия реакцию от меня, для того чтобы разыграть чрезвычайно взрывную встречу. Я предположил, что это восстановило бы *status quo*, дав ей некое ощущение превосходства и возбуждения.

Снова рассматривая сессию в деталях, я был теперь особенно поражен кластером наблюдений, сфокусированных вокруг вопроса, кто из нас держит в своих руках власть на сессиях, и как мы ее используем. Качество эмоций соответствовало жестокой игре «кошки с мышкой» (отраженное в осторожности, отличавшей мой контрперенос): происходила скрытая и явная демонстрация силы. Я также уже упомянул мой очевидный паралич как аналитика, который мог произносить интерпретации, и как в некоторые моменты госпожа А отдалялась, когда, казалось, была надежда на контакт. Госпожа А также недвусмысленно демонстрировала ожидание, что наши взаимоотношения могут быть только отношениями, где друг на друга кричат. Сопоставление этих наблюдений привело меня к двум *рабочим установкам*. Во-первых, я теперь полагал, что госпожа А, судя по всему, изображала и стремилась разыграть очень давящий и повторяющийся психический опыт, отражающий ее представления о том, чего можно ожидать от встречи во взаимоотношениях: заманивания в ловушку, криков, исключения, вторжения, поворотов на 180 градусов, одурачивания, и того, что окажешься во власти чего-то жестокого и ненормального. Во-вторых, опыт контейнирования и вербализации этого, казалось, обнаружил защиту от знания о «не встрече». По крайней мере, это было то, что я думал об отдалении на сессии 1 и затем, на более поздней сессии, о том, как госпожа А отреагировала, когда я попытался исследовать истинную природу ее представлений о наших встречах, когда она, казалось, внезапно перестала слушать.

Две сессии спустя – уже прошло больше недели после сессии 1 – госпожа А рассказала мне о том, что она назвала очень «странным» инцидентом с ее партнером прошлой ночью. Он отреагировал на ее недовольство тем, что исправил положение, но несколькими минутами позже он доброжелательно, хотя и озадаченно, указал ей, к ее удивлению и стыду, что она прилагала огромные усилия, чтобы вести себя в точности так, как если бы он этого не сделал. Вслед за этим она рассказала мне, что была очень напугана тем, что не могла заснуть на выходных, и у нее был сон о том, как она лжет матери.

В этом сновидении было два дома. Ее мать и она жили в одном. В другом доме была девочка с психическими нарушениями. Эта девочка безусловно нуждалась в помощи, и она очень убедительно сказала матери, что собирается взять машину из дома номер 2 и подвезти эту девочку к дому номер 1, для того чтобы иметь возможность взять на себя ответственность за нее. Она была очень решительной. Ложь состояла в том, что она отдавала себе отчет в том, что была не уверена, сделала ли она это.

Я не буду приводить ассоциации, которые между прочим включали новые и спонтанные размышления над темами из ее истории, но я придерживался мнения, что она теперь рассматривала себя как психически неполноценную девочку, которая нуждалась в помощи, чтобы столкнуться лицом к лицу с тем, что она способна увидеть в том, что сама делает, но что у нее не было однозначного решения о том, сможет ли она позволить себе владеть этим знанием и смело его встретить. Здесь, казалось, госпожа А стала способна пережить мгновение проникновения в суть и понимания природы того, как она объясняла себе то, что происходит в отношениях, не только со мной, но также и с ее партнером. Когда он исправил то, что, как она жаловалась, было неправильным, она вела себя так, словно он этого не сделал. Однако она была способна услышать его, когда он сказал об этом, и отреагировала беспокойством, шоком и сновидением: в котором она, казалось, старалась признать перед собой свои психические дефекты.

В этот момент я почувствовал, что у меня есть зарождающаяся гипотеза о госпоже А и ее структурированном способе объяснять самой себе отношения со мной (а также с другими) и защищать себя от осознания того, что она переживает. Бессознательно, и все больше и больше сознательно, госпожа А, судя по всему, полагает, что эмоциональный контакт со мной, настоящая встреча между пациентом и аналитиком является заманиванием в ловушку и, следовательно, бессмысленна: это только порождает плохие чувства. Ее бессознательный страх, заметный, когда мы могли говорить о том, как я был «выбит из колеи», состоит в том, что мы совершенно одинаковые, что я оказываюсь таким же парализованным в ситуации, как и она. Следовательно, я могу только кричать в ярости или фрустрации в той ситуации, в которой я нахожусь вместе с ней, и в отношениях больше нечего делать, кроме как стараться выиграть и ставить ловушки. Поскольку она полагает, что это и моя точка зрения, так как мы с ней одинаковые, мы оказываемся в безнадежном порочном круге, который является и бесплодным, и почти бессмысленным – круге попадания и заманивания в ловушки. Или она чувствует, что я ее поймал в ловушку, или я чувствую, что пойман ею, и в этом случае она вынуждена столкнуться лицом к лицу с тем, что она сделала и оказаться в ловушке снова.⁸

ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ

Моя зарождающаяся гипотеза стала более отчетливой в результате последующих событий и моих размышлений о них. Состоявшиеся позже сессии обеспечили меня базой для сопоставлений, чтобы проверить гипотезу, а также чтобы обеспечить ее дальнейшее развитие и консолидацию. Оглядываясь назад, я замечал, что на этих более поздних сессиях поведение и ассоциации госпожи А очень различались в зависимости от контекста, в котором она переживала нашу встречу. Когда я интерпретировал так, что страх госпожи А попасть или поймать в ловушку принимался во внимание, результат заметно отличался.

Например, через два дня после сессии со сновидением о психической неполноценности госпожа А снова пришла в провокационном расположении духа. Позже выяснилось, что ей снился сон о том, что ее забросали и принуждали есть слоновье дерьмо, и из контекста и ассоциаций было понятно, что она осознала, что чувствует себя очень виноватой. Я понял, что она чувствует, что я заставляю ее есть дерьмо и в конце концов понял то, что происходило на сессии как бессознательную попытку осуществить реверсивное разыгрывание, а не узнать о том, что было в сновидении. Я подумал, что она в большом замешательстве и очень напугана тем, что погрузилась в плохие и фрагментированные чувства, которые, как она чувствовала, записывались обратно в нее, и когда я попытался поговорить с ней в этом ключе, она стала гораздо спокойнее и была способна слушать. Она привнесла еще больше материала, указывающего на определенную готовность обратиться к ее собственному чувству вины. Однако когда я попытался поговорить с госпожой А о том, что же заставляет ее чувствовать себя виноватой, она сочла это очень трудным и почти сразу же начала жаловаться на то, что у нее слишком много мыслей и она сбита с толку. Как я теперь понимаю, несмотря на всю пользу моей гипотезы (и сновидения госпожи А), эти последние интерпретации были ошибочными. Я думаю, она отступила из-за ощущения, что я использовал то, что она говорила мне, чтобы забить ей голову, использовать в своих интересах и поймать в ловушку. Чтобы достичь успеха, мне нужно было обратиться к этому ее недоверию напрямую.⁹

Следующая сессия была почти полностью посвящена длинной истории противостояния: о том, как кто-то пытался помыкать ею и узурпировать ее позицию. Я снова и снова подвергался давлению, вынуждавшему меня ввязаться в это противостояние, и подтекст был таков, что если я этого не сделаю, то я против нее. Сейчас я вполне уверен в том, что эта распря имела отношение к переживанию того, как с ней поступил на предыдущей сессии, за которой последовали выходные. Я оказался для нее узурпирующим, и это было реверсивным разыгрыванием. Тогда я не привел в порядок свои мысли или не разобрался с гипотезой, которую я описываю, и госпожа А была настолько поглощена своей «реальной» ссорой, а я был под таким давлением, что все, что я

мог сделать, - это заметить, как меня принуждают вязаться. Под конец этой сессии я смог ей сказать об этом. К счастью, к рассмотрению этих вопросов мы вернулись на следующий день.

8 Здесь есть связь с идеями Фрейда относительно использования прошлого в настоящем, изложенными в статье 'Constructions'. Он в ней говорит об использовании фрагментов реальности для сохранения бредовой мощи элемента исторической правды в настоящем по контрасту со способностью видеть больше реальности в настоящем. Я предположил на этом этапе, что страх госпожи А оказаться в ловушке покоится на комбинации реального опыта – реальной боли и страдания в настоящем, которое было неизбежным на пути растущего понимания того, что происходит и каков ее вклад в это – в замешательстве вновь переживаемого как оживление прошлого травматического опыта.

9 Моя интерпретация относительно того, что она думала, будто я пытаюсь забыть ей голову, я думаю, была сделана в правильном направлении и дала возможность госпоже А исследовать дальше. Мое последующее поведение – разговор о вине – привело к быстрому выходу из контакта. Поразмыслив, я решил, что это был тот случай, когда мои последующие действия подрывали то, что я до этого сказал. Действия говорят громче слов, особенно при более примитивных состояниях (см. Chused, 1991, где можно найти интересные примеры).

СЕССИЯ 2 (ВТОРНИК)

Госпожа А начала с последних новостей опять о тех же распрях. Однако, после того, как она обстоятельно рассказала мне о них, она сказала, что ей приснился сон.

Шел какой-то прием, и некто (О), представляющий организаторов публичных концертов (А), стоял на сцене, ожидая услышать от другой групп организаторов публичных концертов (Б), собираются ли они (Б) включить ее произведение. В сновидении она чувствовала, что было странно, что О это делает, поскольку ее фирма (А) уже согласилась организовать публичное исполнение ее произведения. Был вечер пятницы, и фирма Б пообещала перезвонить в 5.00. Они не перезвонили, но она продолжала ждать.

Представитель фирмы А сказал, что если фирма Б не звонит, это не имеет значения, поскольку фирма Б все равно представляет собой не очень хорошую компанию организаторов. О также сказал, что госпоже А не стоит беспокоиться, так как у нее уже есть контракт и аванс, и ей не нужно будет его возвращать.

Госпожа А сказала, что она проснулась после этого сновидения и поговорила со своим партнером, который всецело поддерживал ее позицию в ее раздорах. Затем она опять заснула, и ей приснился еще один сон, который она не помнит. В числе своих ассоциаций госпожа А отметила, что странно, что О из фирмы А, казалось, действовал как ее агент, когда у нее уже были агенты.

Я понял, что сновидение госпожи А в основном отражало то, что случилось с ней накануне, когда она попыталась и потерпела неудачу в том, чтобы заставить меня превратиться из ее аналитика-публикатора, того, кто делает открытыми ее бессознательные мысли и чувства для нее самой, в аналитика-агента, того, кто поддерживает ее точку зрения и ввязывается в ее ссоры вместо того, чтобы помогать ей понимать, что они могут означать. Я сказал ей что-то подобное.¹⁰

Госпожа А внимательно слушала меня, но затем прервала, чтобы сказать, что что-то внезапно исчезло. Она следила за тем, что я говорил, но потом была дыра. Тем не менее, утверждала она, она думает, что все равно знает, о чем я говорил. Из материала, который за этим последовал, где она сначала попробовала кое-как объяснить, что я имел в виду, и совершенно упустила суть, нам обоим стало понятно, что ничего она не знает.

Когда я позднее записывал и размышлял над несколькими последними сессиями, два кластера клинических фактов, казалось, сосредоточились вокруг реакций госпожи А на осознание того, насколько ее представление о взаимоотношениях связано с заманиванием и попаданием в ловушку. Две мои рабочие установки и зарождающаяся гипотеза выглядели более генерализованными и пригодными для использования. Я думал, на сессии, где речь шла о слоновьем дерьме, она утратила контакт, почувствовав себя сбитой с толку, в тот самый момент, когда она ощутила, что, может быть, возможен иной тип взаимоотношений. На только что упомянутой сессии все без следа исчезло в дыре (после чего ей пришлось импровизировать, чтобы этого не заметить) в тот момент, когда я сделал явными мысли ее сновидения о том, как она попыталась вынудить меня стать ее агентом. Эти два кластера можно было добавить к сходному кластеру, упомянутому ранее, когда она улавливала только «суть» сказанного. Размышляя об этих событиях, я понял, что *рабочие установки*, которые долго заставляли меня быть чутким к ее защитной утрате контакта, начинали становиться частью гипотезы, касающейся заманивания или попадания в ловушку, что я назову теперь двойной гипотезой. Утрата контакта, казалось, всякий раз была связана с ситуациями исайта относительно ее переживания взаимоотношений как неминуемой ловушки, ее участия в этом и осознания, что все может быть иначе для меня, для других, или даже для нее самой. Последние две сессии, которые я намерен представить, обе довольно подробно, поддержали эти идеи и, казалось, подтвердили их полезность.

¹⁰ Как я сказал, я понял позднее, что не увидел в материале о ссоре по поводу узурпации в достаточной мере значения из области отношений. Если посмотреть на него как на реверсивное разыгрывание и коммуникацию относительно чувств госпожи А, когда она была расстроена и поправа инсайтами, возникшими на основе сновидения о слоновьем дерьме, и следующей непосредственно за этим эвикцией в виде выходных, к этой ссоре можно было бы обратиться более прямо, и это, возможно, помогло бы госпоже А остаться в контакте. Я считаю, что эта возможность была высвечена гипотезой, и что это пример ее полезности.

СЕССИЯ 3 (ПЯТНИЦА)

Почти на середине сессии, последней на той же неделе, когда был сон об «публичном выступлении», я говорил госпоже А о том, как, на мой взгляд, она старается размышлять и исследовать ужасно болезненные ситуации, за которые, как она опасается, ей, возможно, придется взять на себя некоторую ответственность. Она прервала меня, чтобы сказать, что она чувствует сопротивление внутри; она чувствовала, что оно нарастает и нарастает. Когда она сказала мне это, тон ее голоса быстро изменился: из эмоционально вовлеченного он стал тоном недовольства и превосходства, пока она говорила. Она начала жаловаться на то, насколько все было здесь и сейчас безнадежным, а также начала приходить в легкое возбуждение.

Я решил просто спросить ее об этом: «Можете ли вы рассказать мне об этом сопротивлении?» Ну, сказала она, слушая меня, она забывала мои слова на слог, а затем на составные части букв. Все фрагментировалось и было разбито на кусочки (она описала это более подробно и довольно живо). Она сказала, что затем пришла к тому, что сказала себе, что она не имеет права это делать, это разрушительно, и она должна держаться за смысл того, что я говорю. Она пережила ужасную внутреннюю борьбу, чтобы сделать это, и, в конце концов, она сочла ее чрезмерной, хотя, быстро добавила она, она чувствует, что ее отстранение имеет какое-то весьма важное значение.

Я не прокомментировал эту последнюю мысль, но, скорее, попытался подтвердить важность ее глубокого самонаблюдения. Она явно почувствовала себя ободренной и испытала облегчение. Затем, немного позже, она рассказывала мне как, когда происходит коммуникация между нами, и я говорю с ней, она чувствует, что между нами живая изгородь с множеством тропинок и световых указателей, где можно заблудиться. Ей необходимо найти свой путь сквозь нее. Это похоже на лабиринт, в котором, как она чувствует, почти невозможно найти выход, и она отчаивается. Однако когда она рассказывала мне об этом, она действительно начала падать духом, стала жаловаться и пришла в отчаяние. Она сказала, что чувствует, что я просто оставляю ее по ту сторону изгороди и что это безнадежно. Я должен пройти сквозь эту изгородь и добраться до нее, а не просто описывать то, для чего нет решений (то, что она в действительности сказала, было более отчаянным и менее артикулированным, и она начинала все сильнее и сильнее жаловаться).

Я подумал, что она описывала, насколько она сейчас чувствует отчаяние и безнадежность, и что, казалось, произошло то, что она почувствовала, что больше от меня ничего не добьешься, пока я веду себя так, как веду. Я сказал это ей, предположив, что теперь я был кем-то, кто казался ей полностью парализованным, и что она чувствует себя брошенной. Вскоре после этого госпожа А обмолвилась о том, что, как она чувствовала, было большим секретом: что она в самом деле полагала, что я был парализован. Очень нерешительно и без следа возбуждения, которое я мог бы заметить, она сказала мне об этом, адресуясь к своим мыслям о том, как, когда я не реагировал на ее обвинения в том, что я был «выбит из колеи», и тому подобное, она размышляла, что это значит. Одна фантазия состояла в том, что я в тайне действительно горю желанием отомстить ей, но я хороший актер и потому не показываю этого. Другая идея – что я согласен с тем, что я плохо с ней обращался, но мне слишком стыдно открыто это признать.

Среди прочего я подумал, что она подразумевает, что когда я говорю «я понимаю», она, кажется, чувствует, что я имею в виду «я согласен», и что это означает, мы «одинаковые». Я сказал ей нечто подобное. После этого она сказала, что ее она переживает это так: когда я соглашаюсь с ней, кушетка и мое кресло придвигаются ближе друг к другу, и действительно, потом она чувствует, что почему-то ничего не могу сделать. Я вкратце прокомментировал: кажется, происходит то, что, когда она думает, что я понимаю, я перестаю существовать как некто отдельный, и это означает, что я потерял как ее аналитик. Как только я закончил это говорить, хотя и с неохотой, серьезно и, может быть, с грустью она сказала, что то, что я говорил, было прервано мелькнувшей мыслью о ее матери, о которую она сначала была склонна выбросить из головы, но она задержалась. Это была мысль об ощущении позиции превосходства по отношению у матери.

Что-то в том, как госпожа А сказала это, вместе с тем фактом, что обычно она говорила о матери только как о сопернице или наборе требований и обязательств, заставило меня почувствовать, что это реакция была из ряда вон выходящей. Я подумал, что ее позиция превосходства, на самом деле, была защитным образом сцеплена с идеей осознания потребности в материнской заботе. Я подумал, что она только что получила конкретный опыт переживания самой себя, накормленной моим пониманием. В этом контексте я подумал, что она, возможно, фактически попыталась передать нечто, относящееся к ее опыту там и тогда, когда она, к своему ужасу, оказалась насильно отсоединенной от контакта со мной (в качестве матери). Я подумал, что, говоря осмысленно, я дал ей понять, что у меня в голове были мои собственные мысли, воссоздав ситуацию, в которой она однажды была крайне зависима от матери в плане выживания, но, к своему ужасу, также отделенной от нее.

Я сказал госпоже А, что думаю, что, возможно, она понимает, что не слушала то, что я на самом деле говорил, потому что этот опыт заставляет ее ощутить то, что она отделена от меня лабиринтом, в котором, как она чувствует, она окажется навсегда и совершенно потерянной. Именно ее мать-я, поскольку каждому младенцу нужна мать, у нее в голове, но она должна быстро оттолкнуть подальше любое ощущение зависимости и поставить себя выше подобной ситуации.

Следующая ассоциация, как мне показалось, усилила ощущение контакта.¹¹ Очень серьезно госпожа А сказала, что ей в голову пришла мысль. Простой ночью она была наверху и внезапно поняла, что дверь не была в своем обычном положении, а была лишь приоткрыта. Она ощутила сильную тревогу. Обычно ее дверь открыта, по меньшей мере, на 90°, а дверь в комнату к детям широко открыта, так что она чувствует, что может присматривать за ними. Она не может себе представить, что когда-нибудь сможет закрыть дверь к детям, хотя допускает такую возможность. Она знает, что другая знакомая ей женщина, смогла закрыть двери к своему сыну-подростку.

Госпожа А действительно всеми силами старалась принять отдельность своих детей и оценивать то, что можно было бы назвать их соответствующими фазе потребностями. Она признавала, что очень трудно установить границы со мной в анализе, а также с другими или размышлять о них иначе, чем в очень интеллектуальной манере. Поэтому я почувствовал, что слова о двери, которая находилась не в обычном положении, указывают на некоторую возросшую психическую силу. Я ограничился тем, что издал некий утвердительный звук (Хм!).

После паузы и с грустью она очень задумчиво сказала, что полагает, что говорила о перерыве на выходные в анализе (это была пятничная сессия). В конце концов, две последующие ассоциации поставили более четко в фокус ее бессознательные тревоги относительно значения моего отпуска для нее, до которого оставалось теперь всего четыре сессии.

На меня произвело впечатление ощущение эмоционального контакта на этой сессии. Эта сессия также, казалось, прояснила некоторое количество вопросов, имеющих отношение к моей гипотезе. Госпожа А дала довольно точное описание того, как она фрагментировала интерпретацию – ту, что касалась боли, связанной с исследованием ее взаимоотношений, и которую, казалось, она предпочитала не переживать. Затем она сообщила о чувстве, что она находится в лабиринте, и о своем «секрете» - о том, что я благодаря ей был полностью парализован. Если я соглашаюсь, я, вероятно, полностью подчинен. С сознанием этого, так чтобы я мог быть переосмыслен как потенциально пригодный объект, она продолжила и очень быстро привела ассоциацию со своей матерью, что я понял как выражение страха ужасной инфантильной зависимости, который возникает незамедлительно, если она позволяет себе осознать, в чем она нуждается. Поделившись этим, она продолжила говорить в искренней и трогательной манере о своем страхе сепарации и, возможно, об усилившейся способности исследовать его.

Мысленно возвращаясь к этой сессии, я чувствую, что в ней было подтверждение того, что между защитной утратой контакта госпожи А - которая теперь начинает трактоваться как фрагментация – и ее страхом заманить в ловушку/парализовать или попасть в ловушку/быть парализованной, от которого она защищается, кажется, существует произвольная связь. Теперь я начал строить гипотезу, что вследствие фрагментации она потом чувствует себя оказавшейся в ситуации, когда она является беспомощным младенцем, а затем подвергается желанию подчинить себе эту пугающую ситуацию путем привычной реверсии и иллюзорного превосходства.

¹¹ Это пример случая, который требует доказательств. Я приведу контекстуальное значение этого в следующем абзаце.

СЕССИЯ 4 (ЧЕТВЕРГ)

Последняя сессия, которую я представлю, имела место приблизительно на второй неделе следующего после отпуска периода анализа, прошло 43 сессии после самой первой упомянутой мною сессии. Несколько из непосредственно предшествующих сессий были посвящены очень серьезной проблеме госпожи А, связанной с тем, чтобы позволить детям сделать шаги на пути развития в их новой школе. Среди прочих подходов к пониманию этой проблемы я попытался обратить внимание на собственные сложности госпожи А с тем, чтобы быть оставленной, и ее прошлые затруднения с отнятием детей от груди. Обращение к этим проблемам, которые, как чувствовала госпожа А, ей крайне нужно понять, потенциально ощущалось как очень осуждающее и, следовательно, могло стать ловушкой для нее. Мы не достигли особых успехов. Также незадолго до этого была сессия, на которой госпожа А описала, как мысли в ее голове следом за интерпретацией ускользали, как песчинки сквозь пальцы.

Госпожа А начала сессию таким тоном, который как-то предупредил меня, что она в очень задумчивом умонастроении. Она рассказала мне в довольно убедительной манере о том, как она поняла, что она в

настроении для проекций. Она встретила на улице женщину примерно своего возраста и почти тут же по дороге на анализ воздвигла целую фантазию о том, как та заброшена и несчастна. Затем она поймала себя на этом и попыталась подумать, почему ей захотелось создать такую фантазию.

Потом она рассказала мне о ком-то, кому «нужно было страдать от последствий собственных действий», а затем о визите другого человека накануне. Это была женщина, которая, как она чувствовала, пыталась узурпировать ее позицию (см. сессию 2), и которая теперь хотела убрать ее с дороги. Она была в ярости, но была очень довольна рядом идей о том, как она обретет контроль над ситуацией. Однако, она была не в состоянии взяться ни за какую работу. Затем она сказала мне, что в школе все идет хорошо и что она говорила с руководителем. Он сказал ей, что ей трудно оставить детей. Руководитель сказал, что она уж слишком под башмаком у детей, и она поняла, что он имеет в виду.

Я думаю, что интерпретации, которые я сделал, не были показаны. Используя первоначальный материал, я заговорил с госпожой А о ее проблемах с признанием нуждающихся частей и ее презрении к себе как к нуждающейся, а также о ее понимании, что она чувствует себя слишком уж под башмаком у этой своей части. Произошел обмен репликами по этому поводу, но у меня было в связи с происходившим неприятное чувство – теперь я думаю потому, что я понимал, что потерпел полную неудачу с тем, чтобы рассмотреть скрытый смысл для дальнейшего изучения взгляда госпожи А на наши взаимоотношения. Две последующие ассоциации имели отношение к ее чувству, что она не является частью культуры психоанализа, и к ее проблемам социализации. Это негативный пример *микро-валидации*, как я это называю. Хотя в тот момент я не был достаточно уверен, чтобы интерпретировать госпоже А, что я думаю, что мы сбились с верного пути, я был достаточно обеспокоен, чтобы какое-то время молчать и слушать более внимательно. Вскоре она сделала небольшую паузу. Затем (очень услужливо, как я теперь понимаю) она вернулась туда, откуда, как я пришел к мысли, нам не следовало уходить.

Она сказала: «Да, руководитель говорил мне вчера, что, чтобы помочь детям, я должна пойти в комнату наверху и ждать их. Там я не вижу, что делают дети, а они не видят меня. Я согласилась». Затем она подробно описала, как это было трудно – оставаться в той комнате в тех условиях, где она не знала, что происходит, не могла видеть, а просто должна была ждать. Она сказала, что была совсем не в состоянии читать или думать. Она продолжала говорить о том, как после очень длинных двадцати минут руководитель поднялся наверх с детьми, у которых все было хорошо.

Я подумал, что госпожа А описывает не только свою вчерашнюю ситуацию, но также и ситуацию, которую мне необходимо было понять и справиться в той комнате, где в тот момент находились мы оба. Я начал говорить госпоже А о том, как, по моему мнению, она описывает глубину затруднения, которое она испытывает, разговаривая со мной, лежа на кушетке и следуя за своими ассоциациями, придерживаясь позиции исследования в отношении того, что они могут означать, но вынужденная ждать, чтобы увидеть, приведут ли ее слова, после того, как я их обдумаю, к чему-либо полезному. Я сказал, что думаю, что она сейчас надеется получить что-то ценное, но, между тем, ее опыт состоит из переживания глубокой и ужасной отделенности, нетерпения и зависимости, и все это она ощущает как попытку с моей стороны сделать так, чтобы она была у меня под башмаком. Естественно, это трудно вынести.¹²

¹² Сейчас я считаю, что я вновь упустил идущую далее ссылку на узурпаторство, которая могла быть привязана ко всему этому, когда она сообщила мне об узурпаторе и своих планах разобраться с ней, а также о том, как это сделало ее неспособной выполнять работу. Это была очень наполненная сессия, на которой, на мой взгляд, многие аспекты вели к возможному выводу. Открылась широкая перспектива для макро-валидации.

I paused and in the silence I had a sudden feeling of several things coming together, essentially a sense of some aspects of my domination hypothesis. Curiously, just as this happened, Mrs A reported that she was having difficulty in concentrating, and shortly afterwards said she now felt she was being bombarded by excess, 'somehow too many things are suddenly happening'. After a brief pause, she went on to say that she was now unsure what we had been talking about or what we had been saying. She could remember nothing.

There was a pause, and in the silence I at first wondered if I had been a bit vague and wordy. I thought I might well have been. However, on reflection, I thought that perhaps what I had said had made things come together in Mrs A's mind in a such a way as to make her uncomfortable. I therefore suggested this to her and found that while speaking I had added that I wondered if, to protect herself, she was using a technique of muddling and of turning her thoughts and mine into grains of sand, which then fell through her mind into nothing.

Mrs A's reply was sceptical. I then suggested we would have to decide what was true by seeing what came up. She was at first silent and a bit reluctant, before associating freely and spontaneously for about fifteen minutes. During this time she became engaged with her remarks and talked about a time when one of the twins was very small and lay

staring at the attic roof. She now believes that this was the first time she had seen a sloping roof. Then there was another memory when the other twin, very little indeed, had got very frightened and disturbed when Mrs A had put her Moses basket down on someone's front door step and the door had opened. She then spoke emotionally about seeing the queue of elderly South African people waiting to vote and about her lack of understanding of politics. Finally, after a brief silence she came back to the Head at the school. 'When I was at the school yesterday', she said, 'the Head spoke about my being *a bit* under the children's thumb. Actually, the quantity of being under their thumb is not the issue. It was well and carefully put: it really meant that I am unhelpfully under their thumb and that is what mattered.'

As Mrs A has often used the device of referring to something as *a bit* something as the start of a process in which it is eventually made irrelevant, this remark struck me forcibly as thoughtful and important.¹³ I took it to imply that she had the capacity, as a result of the previous interpretation, to know about feeling under my thumb, and could tolerate it and think about it rather than immediately reverse or fragment it out of awareness. I was eventually able to talk to Mrs A in this session about her fears of meeting with me in a dependent role under the condition of dominate or be dominated, her fear of seeing it and her usual hopelessness about it. I also thought she was hinting, if her association to the new situation in South Africa was any guide, at a hope that things might change. Before the end of the session she was to talk quite movingly about how she knows she uses muddle to avoid thinking about painful subjects and how she believes this is linked to her insomnia. Further sessions have extended discussion of these issues considerably.

MY DEVELOPED HYPOTHESIS

This last session seems to me to bring things together. After thinking about it later, I felt that the working orientations which had arisen from my thoughts after my initial discussion with my colleagues—focusing my attention on why Mrs A and I seemed to be having a problem meeting as a functioning analytic couple—had

¹³ In other words, in Matte-Blanco's terms, I was struck by the fact that Mrs A was resisting the equation of part and whole and was showing evidence of a developing bi-logical stratification (Rayner & Tuckett, 1988, p. 27.)

become clarified and related. I now had a hypothesis to give me a clearer idea about Mrs A's core experience of relating to me (and I think to others) and what had been troubling it. I shall try to set this out as formally and clearly as I can.

1. My conjecture is that Mrs A lives much of her experience within a world of 'dominate or be dominated'. Mental pain of almost any sort seems to induce a sense of someone trying to dominate her and enslave her horribly and intolerably. The analysis necessarily inflicts mental pain by threatening her equilibrium.
2. Mrs A's primary reaction in this circumstance has been to attempt to *reverse* the situation and become herself dominant and triumphant. The trouble is that, even in so far as this reversal is successful, Mrs A's situation is only relieved very briefly. Almost immediately she has another unpleasant experience: she suffers the loss of the dominated object and experiences that internal imago as paralysed or non-existent, exposing her to the consequences of loss and a further demand for defensive operations, or possibly an experience of becoming subject to the domination of the now dominated object. A vicious circle is in progress.¹⁴
3. In so far as Mrs A is able to endure the sense of being dominated before engaging in her primary reversal, as when she manages to have insight into her experience, I think there are two immediate and separate consequences. Firstly, she immediately experiences anxiety and guilt connected with seeing what she has been doing to those she has been seeking to force to engage in dominate-or-be-dominated experiences. Secondly, recognising the value implicit in what is potentially offered to her by a different kind of relationship, Mrs A also immediately experiences separation, impatience, envy and dependency. Since both sets of experience are mentally painful, they provide a further opportunity to feel dominated and to respond by reversal *ad infinitum*.
4. Mrs A's recourse to fragmentation is, I suggest, a second and perhaps deeper level: defence designed to deal with the desperation caused by awareness of the failure to obtain much lasting benefit from her normal mode of reversal. Fragmentation seems to have been used, as in the examples above, to attack information reaching her which threatens her conviction about the domination model of relating and so confronts her with anxiety and guilt, or separation, impatience, envy and dependence. A problem when she has fragmented her mind and chopped her thoughts and mine up into fragments or grains of sand is that she suffers a severe loss of ego-function.¹⁵ This very primitive solution, in turn, increases her vulnerability and anxiety—resulting in insomnia and paranoia.

My double-hypothesis, looked at from the above formulation, is in fact an hypothesis about two interacting sets of defence against the experience of mental pain as someone else's attempt to dominate her—reverse and fragment.

In the sessions, as I have here tried to make clear, the developing conceptualisation of a pattern of clinical facts, clusters, working orientations and hypotheses emerged only gradually and obliquely from the day-to-day material. The extent to which Mrs A lived within a world of dominate or be dominated began to become clear to me only during Session 4, when she described her frighteningly moving and desperate experience in the room waiting for her children—a room in which she was put so they could face a necessary developmental task, and because previous attempts had shown that Mrs A was too much under their thumb for this to be possible if she was there.

The experience of listening to that account was very powerful indeed. I have said that I eventually took it to refer to important internal events. I then suggested to her that the experience she was trying to communicate to me was one of profound and horrible separateness, impatience and dependence in the sessions and

14 I believe that for much of her life, and certainly for much of her analysis, Mrs A has lived within a vicious circle of this kind mitigated only by an attempt to get others to enact it as a sado-masochistic game in which dominating and being dominated becomes an exciting end in itself: a see-saw set of screaming matches from which one can kiss and make up.

15 In other terms one might say she becomes dominated by severe projective identification.

how this was all experienced by her as an attempt by me to put her under my thumb. I know that when I said that I did not have my hypothesis in mind. The interpretation emerged from listening in an analytic way. However, as soon as I had said what I did, while I was silent and various aspects of my domination hypothesis were coming together in my mind, Mrs A then experienced herself as being bombarded and dominated. In the following moments she again revealed to me the way she fragments her mind to remove the pain. But this time it became clearer that a consequence was that she then felt bombarded by the fragments that seemed to be retaliating against her in the form of my words.

Mrs A's succeeding 'free' associations to the attic roof and to the tiny infant crying in terror at the opening of a front door were, for me, both illuminating and confirming. In the session this was partly due to the content of what she said, but also due to the atmosphere which seemed to have been generated: particularly the sense of increased mental capacity. At the time, I only noticed and made use of part of the significance of the second association about the door, not seeing the significance of the first about the roof until reviewing the session after I wrote it up. Then it occurred to me that a sloping attic roof was very different to the kind of ceiling that can simply be reversed into a floor—an activity which had often been used between Mrs A and myself to symbolise her omniscient reversals of unpleasant situations. This association suggested that Mrs A was beginning to regard reversal as unsatisfactory. During the session, I thought that the association to the second infant twin, being shocked by an opening door, indicated what Mrs A experiences when she divests herself of her awareness that I am speaking to her and fragments it along with the thinking and linking capacities of her mind. She then feels just like a helpless infant. Fragmentation also initiates a vicious circle in which she is soon back to where she started from. After the session I also thought that this open-door association pointed to an opening up of new possibilities, if she could address the difficulties associated with extreme dependence and her guilt, rather than constantly reverse them.

MY VALIDATION

The basic idea informing this paper is that validation in the clinical process to a large extent depends on being as clear and specific as possible about the hypotheses being put forward for validation. I am suggesting that while we make interpretations based on intuitive hypotheses arising from background orientations and clusters of observed clinical facts *in the sessions*, it is also appropriate to create, in an ongoing way *outside the session*, a wider and more developed set of grounded hypotheses intended to illuminate the core issues that arise and the core problems suffered by the patient. For much of the time such hypotheses may be more in the form of working orientations, as I have labelled them, but if they can be formulated into hypotheses explaining sets of events and predicting consequences, I think they can be more precisely thought through and then validated—that is, partially or wholly refined so that they 'fit' better and/or are rejected as not fitting, whether by the analyst working alone or in group discussion through the achievement of genuine consensus.¹⁶

Workers in most disciplines have come to suspect claims to truth and have repeatedly observed how our understanding of the world in any discipline can only be provisional.¹⁷ What we consider 'taken-for-granted' or 'far-fetched' is culturally and temporally located. Disciplines have, however, a logic of argument, a logic of investigation, a culture of normal science and of inter-collegial debate, through which a consensus

¹⁶ I refer to ideas from Gadamer and others discussed in Steiner (1992).

¹⁷ The development of scientific thinking in the physical and human sciences illustrates this. In physics, Hawking, for example, in an attempt to 'explain' why the big bang occurred, about 10,000 million years ago, draws on what is called the weak anthropic principle. He then points out that with a strong version of this principle there may be many different universes or many different regions of the single universe, each with its own initial configuration and, perhaps, with its own set of laws of science (Hawking, 1988, p. 124). With this logic, all physical laws are only temporarily so, albeit for a very long time.

is reached as to which propositions fit what we know. Psychoanalysis seems to have been slow to address questions of validity and to develop a suitable framework for achieving inter-collegial debate concerning our attempts to explore and explain *psychic reality* in sessions. Apologetic notions about subjectivity or overdetermination and inappropriate

models of scientific activity, as well as bruised feelings and other factors militating against presenting clinical data, seem to have led us to ignore facing what we might do.

In an ongoing series of papers based on historical controversies, Riccardo Steiner (1985), (1988), (1991), (1992), (1994a), (1994b) has been exploring and drawing attention to the complex ground rules for debate and reaching consensus in psychoanalysis. He has linked his historical investigation with linguistic, economic, sociological, psychological and philosophical considerations, and, in drawing implications for current ways of debating controversy, has attempted to point out a narrow course between dogmatism and relativism; orthodoxy and 'anything goes'. His work is an important part of a gathering and overdue momentum attempting to accept both the specific qualities of our discipline and the need to do more to advance it. Debate needs to rely less on rhetoric and charisma. The achievement of consensus needs to be rather more free from coercive appeals to ancestors than it has been hitherto. Moreover, the ultimately authoritarian implications of relativism and orthodoxy need to be addressed.

I have mentioned that while I consider psychoanalysis to be a fundamentally subjective discipline, I believe, nonetheless, it is essential to attempt to draw distinctions between hypotheses and actuality: to be able to say 'no' to an idea in a specific situation there has to be a *degree* of differentiation between a datum of experience and the conclusions drawn about it; hence my conceptual distinctions. I maintain that in my account of the clinical process of Mrs A's analysis there is a difference between the basic clinical occurrences I have reported and the hypotheses put forward to explain them. In principle, although with more time and opportunity for debate and clinical presentation of further detail than afforded by one paper, an hypothesis of the kind I have set out in the context of the kind of clinical account I have attempted may, I believe, be preferred to others, or not.

In a general way, validation in the clinical process seems to me to involve both developing a hypothesis that is meaningful and that contributes some understanding to central issues in an analysis and showing that it fits the data better than an alternative. I have tried to describe a process of developing hypotheses out of the data to develop something akin to what Glaser & Strauss (1968) first called 'Grounded Theory'. Throughout the period of treatment I have been describing, inside and outside the sessions, I was forced to compare different qualities of my 'meeting' with Mrs A according to different circumstances—referred to by Glaser & Strauss as 'theoretical sampling'.¹⁸ Gradually, I noticed and then, when interpretation was more or less difficult, paid attention to, what seemed to happen to interpretations in one circumstance and what in another, and so on. I found the hypothesis about domination and Mrs A's reactions of reversal and fragmentation increasingly revealing and useful to understand the sessions presented and many others with Mrs A. Moreover, because these hypotheses were formed and examined in repeated and still ongoing actual circumstances, there was a constant process of potential disconfirmation, as a result of both *micro* -validation and *macro* -validation.¹⁹ It

¹⁸ Theoretical sampling is the process of data collection for developing grounded theory whereby the analyst jointly collects, codes and analyses his data and decides what data to collect next and where to find them, in order to develop his theory as it emerges. This process of data collection is 'controlled' by the emerging theory (Glaser & Strauss, 1968, pp. 45 et seq.).

¹⁹ Some validating activities suggested my interpretations or hypotheses were valid (positive examples), others did not (negative examples). As positive examples of micro-validation, there were the series of thoughts I had after Session 4, referred to in the text, which deepened and confirmed the way I was interpreting to Mrs A: her associations about the sloping roof and the opening door. The central clinical problem described in the paper arose from negative macro-validation. My awareness that I had failed to see the significance of being 'usurped' arose in macro-validation too. Regarding micro-validation, I have referred to an example of sensing my first interpretation in Session 4 as wrong. I would see the atmosphere and content of the sequence of associations in Session 4, after I had suggested she felt under my thumb, and throughout most of Session 3, as positive examples of micro-validation.

is perhaps in this sense that other authors have spoken in various different ways of the need to rediscover theory in each case—not by finding examples of it, but by finding that the case required the theory (see Casement, 1985); (Parsons, 1992).

I have mentioned a growing consensus in methodological discussion that theories are not absolutely true but the best guesses we can make for the moment. To what extent, therefore, is my hypothesis valuable at the moment? Do I know more, more confidently, with it than without it? Even something as methodologically sophisticated as a laboratory experiment is a way of making a best guess about what is happening and a way of opening a debate on the value of a particular idea.²⁰ In respect of my hypothesis, there are several ways in which I believe it is valuable: it makes sense of the immediate sessional data, it illuminates a wider field of events I know about Mrs A, it has proved practically useful in the sessions, and it has been predictive. I will tackle each of these assertions in turn, before concluding the paper.

I constructed the hypothesis to make sense of certain kinds of experience I was repeatedly having with my patient and certain kinds of experience I thought she was having with me and with others. I will not reiterate, but there were other data, too, which, once they were developed, I realised this hypothesis seemed to illuminate: the clusters of clinical facts I offered in introducing some background concerning Mrs A among them. For instance, consider Mrs A's initial disagreement with every link I made; her preoccupation with expulsion and being up or down; her delusionally

certain way of thinking; her provocation; her long-running difficulty with concentration; her intense difficulty with being in partnerships; her problem with commitment and making choices and her inability to get to grips with and think through her history except as a series of grudges. Each of these clusters involves Mrs A with problems of domination or in coming to terms with feelings of guilt or dependence in the way I have set out. With the stated hypothesis I feel that previously-known facts fitted in and made more sense—for example, I had long known there was a severe problem about dependence or had imagined envy to be most powerfully around in a whole series of her descriptions or her responses to interpretation, but in my opinion these phenomena could be understood and tackled much better when it was understood that they influenced Mrs A *via her experience of being dominated*.

With the hypothesis, I felt for the first time that Mrs A's insomnia could be quite precisely understood rather than only vaguely comprehended. I now thought her current symptoms of insomnia directly related to the consequences of the mental operation of fragmentation she had been conducting in a situation where she was dominated by the awareness of dependence forced on her unpleasantly by a variety of factors, including the departure of her secretary and her growing emotional realisation of the potential within the analysis. I was actually also able to see, reviewing the sessions, that she had partially informed me about the unconscious awareness of the link between insomnia, domination and fragmentation herself through the two references to labyrinths in the material I have reported earlier. A labyrinth seemed to depict in those sessions her sense of being horribly dominated and also to suggest that Mrs A's insomnia was caused by what she was waking up to seeing but would not see. On the second occasion, after wondering why I was 'not arguing' with her when she had ignored an interpretation—that is, as I would now see it, while suddenly worrying whether she had dominated me and I was lost—Mrs A described the fantasy that I was at that moment trying to lure her into a labyrinth lit by very bright strip lights, in which it was impossible to close her eyes. She had added that when she has insomnia she has sorts of visions: she feels as

20 Psychoanalytic discussions of methodology have often been limited by recourse to inappropriate models of investigation. There has been for some time now a large body of work on the logic of investigation in non-experimental situations as well as, of course, on the logic of investigation in the human sciences, which offer the potential for understanding via the inherent capacity of the human mind to understand and give meaning to another mind (see, for example, Blalock, 1961); (Campbell & Stanley, 1963); (Edelson, 1983); (Steiner, 1992).

if, although her eyes are closed, that they are wide open and with burning lights coming into them underneath. In that session she had complained bitterly about the unfairness and the unpleasantness of this and the awfulness of the situation.

Other matters which have been of concern in the analysis are also illuminated by the hypothesis. For example, Mrs A's experience of her household and her daily routine, her reaction when I have had minor illnesses and cancelled a session, her difficulties with various categories of employees and helpers, all made much more sense when I realised these experiences were primarily about feeling dominated and the consequences of reversing and fragmenting that experience.²¹

The hypothesis has also proved useful in orientating the analysis: particularly in easing countertransference pressures and understanding and managing Mrs A's provocation as well as in formulating interpretations so they could make sense to Mrs A and could be least difficult for her. The difficulties discussed earlier about meeting have been very significantly modified. This has led to a discernible change in the quality of the sessions and it has become increasingly possible to explore some of the very difficult feelings Mrs A has around guilt, dependence and other feelings. She also went through a period of several months virtually without insomnia—including two short breaks. Moreover, when during this period she sensed difficulties she has been much more insightful and thoughtful, with good effects. She has used disengagement less often and remembers better what has been happening. Altogether, since the period I have reported there has been a greater sense of a space for thought and observation and the development of a number of new themes consistent with increasing mental development.

To me, it is important that the hypothesis also seems to have predictive value—with the advantage that a prediction can be made which can then, with the passage of time, be ruled true or false, thus helping to develop a feeling of confidence in the hypothesis. I think I have indicated that my reviewing process outside the sessions demonstrated to me that when the conditions under which we met altered, that is to say when I could enable Mrs A to sense that I really knew of her anxiety about being trapped and dominated and of the meaning and consequences of fragmentation, she was consistently more able to explore difficult and painful material. Similarly, I have pointed to a number of situations where with the benefit of the hypothesis I can see that I failed to talk to Mrs A directly about her there-and-then experience of domination, on several occasions apparently provoking disengagement and fragmentation.²² More detailed and systematic note-taking and analysis than I have been able to undertake would, I think, have shown some close correlations: interpretations unthoughtfully directed or framed in a way which could convey an experience of being dominated to Mrs A seemed consistently to prove counterproductive and to require very rapid corrective interpretation.

Many of the observations which the hypothesis has now made sense of and illuminated were actually quite well known to me and had impinged enough to be somehow part of my working orientation. I had long recognised as important, for instance, Mrs A's tendency to lose contact or her preoccupation with being up or down. Moreover, when

I looked through all my notes once again recently I found that even in the aforementioned session which I presented to my colleagues, I had actually interpreted Mrs A's belief that we were both preoccupied with positioning. However, such observations, outside the consistent framework of links generated by the hypothesis, had not really helped my interpretations, my countertransference nor Mrs A's anxiety about domination, up to then.

21 The extent to which these occurrences exemplified the hypothesis were only clear to me in discussion with a colleague in the drafting of this paper.

22 There were several examples. Firstly, as mentioned, when my actions spoke louder than my words when she felt I was stuffing her with shit, she responded by disengagement. Secondly, also mentioned, when she was reporting the quarrels with an usurper and I failed to see and interpret this in terms of her ideas about our relationship. Again disengagement was the consequence of the dream interpretation in these circumstances. Thirdly, in Session 3, the chopping up of my words followed trying to talk about responsibility without sensing the paralysing impact of them on her.

EXTERNAL CRITERIA

Of course, it is a common experience to find that a single investigator is blind to certain kinds of error or does not think of available alternative explanations. The psychoanalyst, working by participant observation, must suffer in the same way. Moreover, the specific nature of our work, in which we are appropriately and usefully caught up in the transference-countertransference process, means that our perception at any one time is necessarily skewed. To explore this kind of effect, I have argued the case for attention to conceptualisation and seeking to spell out hypotheses carefully as well as the use of *macro*-validating activities over a period of time. These are important ways to limit the danger. Nonetheless, any validation will be more persuasive to me and to most others if I can bring in a third party and that observer can support what I see. Discussion and exploration of alternative hypotheses with colleagues offers still greater opportunity for the partial refinement and partial or wholesale abandonment of an hypothesis than I have argued can be a benefit of spelling it out to oneself. To take matters further, so that I could have more confidence in my hypothesis, I would need to engage in more formal and regular discussion with colleagues about the extent to which they see the same evidence for my propositions as I do.²³ Are there, contained within my report, more likely explanations for the ongoing problems the patient and I have had meeting and using each other?

Psychoanalytic clinical discussion groups do not normally conduct themselves in a particularly disciplined way and tend to be more preoccupied with the valuable task of identifying what the analyst has not yet seen than with trying to look at what is presented in terms of the hypothesis put forward and the extent to which it, or another, is better at explaining *the phenomena being focused on*. Nonetheless, I believe such groups could perfectly well function to provide a further test of the kind of ideas I have put forward. The ongoing nature of the analysis, providing new situations to observe, provides a particularly powerful way of testing predictions in a group situation.

I have been concerned with an hypothesis about what was happening in some analytic sessions that would require colleagues to see if they agreed with me and among themselves about qualities of meeting and about the way Mrs A seems to use the information I give her in various circumstances. I think such variables can be observed in each repeated clinical occurrence. They strike me as ones which a group could develop a reliable method of recognising, and, therefore, in this area of psychoanalytic work, if not in all, we can determine actuality and so allow theory and observation to be at least somewhat separated.²⁴ Given the will, I believe that trained psychoanalysts using the kind of detailed report I have given here can validate grounded hypotheses of the kind I have put forward.²⁵ Together, the data and the hypothesis open a debate which, I believe, has a very different potential for realising an informed consensus than would otherwise be the case.

I would like to end by stressing that my talk of grounded hypotheses is intended for activities carried on outside the sessions—macro-validating. In the sessions this kind of thinking is alien. Outside, however, I believe that if we can bring ourselves to engage in detailed hypothesis development and discussion—focusing on core clinical problems such as a

23 Boesky (1992) gives some very good examples of the value of discussion for bringing out suppressed assumptions and premisses.

24 To be sure, recognition of such phenomena is not achieved using a barometer or a ruler, but using psychoanalytically-honed ordinary human conversational capacities to sense tension, evasion, fear, sticking to the subject, developing a subject, etc. Such capacities can be applied reliably to making various kinds of complex assessments (Brown & Rutter, 1966); (Tuckett et al., 1985).

25 The emphasis in this paper has been on the process of developing Grounded Theory and its potential contribution to validity. In this final section I am attempting to discuss the potential for psychoanalysts to agree between each other. I advocate the exploration of alternate hypotheses within the framework of groups of psychoanalysts discussing case material and making independent judgements which can be assessed as to their reliability. I do not, therefore, see an opposition between Grounded Theory and verification—see also Brown, 1973; Tuckett & Kaufert, 1978. difficulty with 'meeting' or using each other's contributions, such as Mrs A and I were having—then we can widen our sense of validity and strengthen our

discipline. I have suggested that such validation requires consideration of the kind of conceptual distinctions I have introduced here.

REFERENCES

- BLALOCK, H. M. 1961 *Casual Inferences in Non-experimental Research* Chapel Hill: Univ. N. Carolina Press.
- BOESKY, D. 1992 Teaching the the Methodology of Clinical Evidence Brill Memorial Lecture, November 1992
- BRITTON, R. 1994 Publication anxiety: conflict between communication and affiliation *Int. J. Psychoanal.* 75:1213-1224 [\[→\]](#)
- BRITTON, R. & STEINER, J. 1994 Interpretation: selected fact or overvalued idea *Int. J. Psychoanal.* 75:1069-1078 [\[→\]](#)
- BROWN, G. W. 1973 Some thoughts on grounded theory *Sociology* 7 1-16
- BROWN, G. W. & RUTTER, M. 1966 The measurement of family activities and relationships *Human Relations* 19 241-263
- CAMPBELL, D. & STANLEY, J. 1963 *Experimental and Quasi-Experimental Designs for Research* Chicago: Rand McNally.
- CASEMENT, P. J. 1985 Theory re-discovered In *On Learning From the Patient* London/New York; Tavistock, pp. 216-220.
- CHUSED, J. F. 1991 The evocative power of enactments *J. Am. Psychoanal. Assoc.* 39:615-639 [\[→\]](#)
- EDELSON, M. 1983 Is testing psychoanalytic hypotheses in the psychoanalytic situation really impossible *Psychoanal. Study Child* 38:61-109 [\[→\]](#)
- ETCHEGOYEN, H. 1994 Validation in the clinical process Unpublished paper given at 1994 West Point Conference.
- FREUD, S. 1937 Constructions in analysis S.E. 23 [\[→\]](#)
- GLASER, B. & STRAUSS, A. 1967 *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research* London: Weidenfeld and Nicolson.
- HAWKING, S. 1988 *A Brief History of Time* London: Bantam Press.
- MATTE-BLANCO, I. 1988 *Thinking, Feeling and Being: Clinical Reflections on the Fundamental Antinomy of Human Beings and World* London/New York: Routledge/New Library of Psychoanalysis, No. 5 [\[→\]](#)
- MICHELS, R. 1994 Validation in the clinical process *Int. J. Psychoanal.* 75:1133-1140 [\[→\]](#)
- PARSONS, M. 1992 The refinding of theory in clinical practice *Int. J. Psychoanal.* 73:103-115 [\[→\]](#)
- RAYNER, E. & TUCKETT, D. 1987 Introduction to Matte-Blanco's reformulation of the Freudian unconscious and his conceptualisation of the internal world In *Matte-Blanco* 1988 pp. 3-42
- SANDLER, J. 1976 Countertransference and role-responsiveness *Int. J. Psychoanal.* 3:43-47 [\[→\]](#)
- SANDLER, J. 1983 Reflections on some relations between psychoanalytic concepts and psychoanalytic practice *Int. J. Psychoanal.* 64:35-45 [\[→\]](#)
- STEINER, R. 1985 Some thoughts on tradition and change in psychoanalysis arising from an examination of the Freud-Klein Controversies 1941-44 *Int. J. Psychoanal.* 12:27-71 [\[→\]](#)
- STEINER, R. 1988 A world wide international mark of genuineness ... *Int. J. Psychoanal.* 14:33-107 [\[→\]](#)
- STEINER, R. 1991 To explain our point of view to English readers in English words *Int. J. Psychoanal.* 18:351-392 [\[→\]](#)
- STEINER, R. 1992 Some historical and theoretical notes on the relationship between hermeneutics and psychoanalysis (Unpublished paper.)
- STEINER, R. 1994a In *Vienna Veritas ...?* *Int. J. Psychoanal.* 75:511-584 [\[→\]](#)
- STEINER, R. 1994b Some observations on the role played by extra-analytical variables in the theoretical and clinical issues of the Freud-Klein Controversial Discussions 1941-1944 and their relevance today. (Unpublished.)
- TUCKETT, D. 1993 Some thoughts on the presentation and discussion of the clinical material of psychoanalysis *Int. J. Psychoanal.* 74:1175-1189 [\[→\]](#)
- TUCKETT, D. & KAUFERT, J. (EDS.) 1978 *Editors' introduction Basic Readings in Medical Sociology* London: Tavistock, pp. xiii-xxiii
- TUCKETT, D. ET AL. 1985 *Meetings Between Experts. An Approach to Sharing ideas in Medical Consultations* London/New York: Tavistock.